

Николай Леонов

Юрколлегия разыскивает...

*Часть сборника
Приступаю к задержанию
(сборник)*

Николай Иванович Леонов

Юрколлегия разыскивает...

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162723

Николай Леонов Пир во время чумы: Эксмо-Пресс; Москва; 1999

ISBN 5-04-003030-4

Аннотация

Одна из ранних повестей Н.Леонова. Публиковалась в сборнике «Пир во время чумы» (М.: Эксмо, 1999).

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Леонов

Юрколлегия разыскивает

Глава 1

Расстановка сил

Безликий серый трехэтажный школьного типа дом затерялся бы среди тысячи подобных, но черная доска с белыми буквами «Московский городской суд» делает его в Москве единственным.

Широкий коридор, людей много, одни молча расхаживают по навощенному паркету, другие стоят группами, и шелест их голосов робко растекается по коридору. Все изредка поглядывают на обитые черным дерматином двери с табличками: «Зал судебных заседаний». Подталкиваемые взглядами и желанием присутствующих, двери открываются, люди тихо входят в прохладный зал и только успевают усесться на деревянном негостеприимном диване, как их поднимает сухая традиционная фраза:

– Встать! Суд идет!

Балясин сидел за столом, чуть наклонившись вперед, молча смотрел на красное удостоверение с тисненым гербом и

золотыми буквами. Хозяин удостоверения стоял рядом. Балясин видел пряжку на поясе его плаща. Пряжка была темно-зеленого цвета, со щербинкой на одной из дужек. А еще он видел: на красном удостоверении вытиснено три слова: «Московский уголовный розыск». Герб над ними – словно печать, удостоверяющая, что все здесь правильно.

Балясин осторожно подтолкнул удостоверение к себе. Сделал он это для самоутверждения: раз есть такое право – открыть книжку и заглянуть в нее, надо открыть и заглянуть.

– Слушаю вас, майор, – сказал Балясин. – Сына вам моего мало, пришли за отцом?

– С сыном все в порядке, Владимир Иванович, – ответил майор и взял удостоверение, – можете не волноваться. – Он сел и положил руки на стол. – Устал, Владимир Иванович, отдохнуть решил и неожиданно вспомнил про ваш пансионат. Дай, думаю, махну на недельку, не выгонит Владимир Иванович.

– В благодарность за сына, что ли? – спросил Балясин. – На вашем жаргоне вы Витьке крестным отцом приходитесь?

– Это не на нашем, а на воровском жаргоне, – ответил майор и достал пачку «Беломора». – Разрешите?

Балясин не ответил; потирая худые плечи, он пытался понять: зачем приехал майор с Петровки? Что ему нужно? Если это не связано с сыном, то что еще?

– Владимир Иванович, совсем забыл, – сказал майор. – Поздравляю. Искренне рад, честное слово, рад. Как прочи-

тал в «Известиях», что Инюрколлегия ищет Балясина Владимира Ивановича, так сразу вас вспомнил. Это от кого же вы наследство-то получили?

– От деда по материнской линии, – пробормотал Балясин. – Батя мой два раза был женат, мать моя из городских была, учительствовала.

– И много денег получили?

Балясин поднял к глазам маленький синий кулачок.

– Это на мое поздравление? – Майор рассмеялся, обхватил ладонью кулачок Балясина и встряхнул. – Поздравляю. Я человек необидчивый.

Майор курил, а Балясин разглядывал клеенку на столе, заметил, что она грязная, и удивился – вроде вытирал недавно. Он поискал глазами тряпку и увидел синий конверт, который лежал на подоконнике. Два дня назад написал брату письмо, да так и не отправил. Хорошо, что не отправил, приехал бы Алексей за деньгами, а денег-то и нету. Стыда не оберешься.

Раздался щелчок, словно сломалась сухая ветка. Майор повернулся на звук и увидел массивные настенные часы. Над циферблатом темнела ниша, а в ней флегматичный железный человечек, раскачиваясь, щелкнул суставами, поднял молот с длинной ручкой и звонко стукнул по наковальне. Он отбил положенное количество часов, вздрогнул и замер, равнодушно ожидая своего часа, чтобы снова поднять молот.

– Красивые часы, немецкая работа, – пробормотал майор, повернулся к хозяину и спросил: – Чайем не угостите?

– Чаем? – удивился Балясин.

– Да, да, чаем, Владимир Иванович. Знаете, есть такой напиток, горячим его пьют?

Балясин смотрел на майора, а видел родную избу. За большим некрашеным столом собрался весь род Балясиных.

– А я не отдам, – грустно сказал он. – Нету денег-то, потерял я их. Потерял, и все. – Он хихикнул, хотел было рассказать, как именно потерял деньги, но встретился взглядом с майором и замолчал.

– Да, значит, чай пить не будем. Ясно. Дело ваше, Владимир Иванович. Я недельку поживу в пансионате. Места есть?

– Начальство в отпуске, лучший номерок предложить могу.

– Отлично. – Майор одернул плащ и поднял с пола чемодан, который Балясин раньше и не заметил. – Только уговор, Владимир Иванович, – он взял Балясина за рукав, – я обыкновенный отдыхающий. Ясно?

На следующий день в восемь часов утра Балясин был уже за своим служебным столом. Он плотнее закутал шею вязаным шарфом и попытался спрятать концы под пиджак. Если бы администратор пансионата находился на работе, Балясин не решился бы в таком виде оформлять приезжающих, но начальство уехало в отпуск, а Балясина знобило, и он с удовольствием прижимался щекой к теплой щекочущей шерсти.

Он положил перед собой толстую книгу, где регистриро-

вали приезжающих гостей, вынул из стола ручку с пером «Рондо» и выжидательно посмотрел сквозь толстое стекло, отгораживающее администраторскую от холла. Мимо прошел майор с Петровки. Он даже не посмотрел в сторону Балясина, толкнул стеклянную дверь и быстро вышел на улицу. Балясин опустил руку в карман и нащупал ключ от квартиры. Деньги лежали там и были хорошо спрятаны.

Месяц назад к нему неожиданно заявился по-городскому одетый мужчина и стал расспрашивать о родне, а потом поинтересовался, нет ли у него, Балясина, родственников за границей. Тогда он облегченно вздохнул и ответил, что родственники имеются только в деревне Синиченки – в двадцати километрах от Лаптева. Незнакомец не уходил, спросил, как звали мать, ее девичью фамилию, год, месяц, место ее рождения, а выслушав ответы, сообщил, что в Канаде год назад помер его родной дедушка и он, Балясин, является единственным наследником.

В строгом учреждении, где пол устлан коврами, он несколько дней ходил от стола к столу, дожидался, запинаясь, отвечая на вопросы, долго примеривался, ставя подпись под большими тисненными печатями, а потом ему объявили – перед этим девушка в лакированных туфлях долго крутила ручку какой-то трескучей машинки, – что он может получить двенадцать тысяч рублей.

Марина достала из сумочки шариковую ручку и заполни-

ла карточку приезжающих. Она получила ключ от комнаты, протянула руку за чемоданом, но его не оказалось.

– Марина Сергеевна, у вас второй этаж. Прошу, – сказал незнакомый мужчина. В одной руке он держал ее чемодан, другой показывал на лестницу.

Марина оглядела незнакомца, кивнула и молча пошла искать свою комнату.

– Молодая красивая женщина приезжает в пансионат с таким маленьким чемоданчиком. Восхитительно, – рассуждал идущий сзади мужчина. – Или основной багаж прибудет завтра с мужем?

Марина нашла свой номер, открыла дверь и сказала:

– Сюда, пожалуйста. – Она показала на стул, открыла сумочку. – Сколько я вам должна?

– Сто, Марина Сергеевна, – ответил мужчина, не смущаясь. – Желательно одной купюрой, – он протянул ладонь.

– Хватит и полтинника, – Марина вложила ему в пальцы монету, – вы свободны.

– Был свободен, Марина Сергеевна. – Мужчина подбросил монету, поймал и спрятал в карман. – Боже мой, зачем я поехал в этот пансионат? – Глаза его смеялись. – Я был свободен, Марина Сергеевна. – Он сделал ударение на слове «был», поклонился и вышел.

Марина прошлась по комнате, задернула штору и включила свет, потом выключила свет и отдернула штору. Она села на низкую деревянную кровать, матрац был не мягкий

и не жесткий, как она любила. Проверив, есть ли холодная и горячая вода, щелкнув всеми выключателями, заглянув в шкаф и тумбочку, Марина скинула шубку и стала разбирать чемодан.

Собирая дома этот же чемодан, Марина не знала, ехать ей или нет. Дождь, грязь, обшарпанный пансионат, одиночество, уныние, зевающие от безделья люди. Больше всего она боялась, что не будет горячей воды. Слава богу, хоть горячая вода есть!..

Зазвонил телефон. Марина испугалась: может, Павел как-то узнал, что она здесь? После пятого или шестого звонка она осторожно сняла трубку и, пытаясь изменить голос, сказала:

– Слушаю.

– Марина Сергеевна, пора обедать, – произнес веселый мужской голос. – Швейцар на ваши чаевые купил бутылку сухого вина и с нетерпением ждет вас в холле.

– Послушайте, швейцар... – Марина хотела рассердиться, но неожиданно для себя рассмеялась и сказала: – Иду.

Она легко сбежала по лестнице и огляделась. Просторный пустой холл с черно-белым шахматным полом, почти сплошными проемами окон казался неудобным. Марина сделала несколько нерешительных шагов, и эхо повторило их. Швейцар стоял, опершись спиной о толстое оконное стекло. Его фигура слишком картинно вписывалась в фон блеклого пейзажа. Он видел Марину, но не двинулся навстречу. Холл, словно гигантская шахматная доска, свободно лежал между

ними, и строгие мраморные клетки предлагали сделать ход. Несколько секунд мужчина и женщина не двигались, потом мужчина поклонился.

– Валентин Петрович Семин.

Он был коренаст, и, хотя стоял неподвижно, Марина решила, что двигается он точно и экономно, как двигаются военные и спортсмены. Он не был маленького роста, как ей показалось вначале. Лицо загорелое, волосы и глаза светлые, как будто выгоревшие на нездешнем, особенном солнце.

– Я прошел ОТК, Марина Сергеевна? – спросил Семин и, так как Марина не ответила, смутился. – Пойдемте обедать?

В столовой только два столика у окна были заняты. За одним сидела молодая пара. Марина решила, что это студенты, а по тому, что девушка не поднимала головы от тарелки, можно было догадаться, что это влюбленные. За другим столом сидели две особы желчного вида. На влюбленных Марина посмотрела украдкой, а для особ выбрала из своего арсенала самую дерзкую улыбку и чуть прижалась к Семину плечом. Он проследил ее взгляд и, подавая стул, тихо сказал:

– Приятные дамы.

Он взял бутылку сухого вина, которая стояла на столе, посмотрел на Марину и спросил:

– Смешно?

– Безобразие, – сказала одна из особ. – В первый же день подают вчерашний салат. – Она застучала вилкой по тарелке. – Здесь кто-нибудь есть? Заведующая!

В столовую стали входить люди, по двое, по трое, потом вошла большая компания. Марина обратила внимание на высокого худого мужчину лет сорока. В синем вельветовом костюме, кашне в горошек завязано бантом, с длинным костистым лицом в веснушках, он остановился в проходе, одернул пиджак, который ему был явно короток, и долго не мог решить, где ему сесть.

Марина смотрела в зал, а Семин потихоньку рассматривал Марину. Час назад около администраторской он увидел красивую женщину, но – волновался, что ли, – даже плохо запомнил ее лицо... Семин сейчас разглядывал новую знакомую. Когда она сидела, то выглядела несколько старше. Стоило отметить светлые пушистые волосы, поднятые сзади и собранные на затылке в узел. Белые ровные зубы, брови темнее волос и светлые глаза, то ли голубые, то ли серые. Семин взял бокал с вином и посмотрел на свет. Как это: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай!...»

Народу в пансионате мало, и разобраться будет нетрудно. Рядом красивая женщина, а роль скромного влюбленного – прекрасная ширма.

– Валентин Петрович, – Марина тронула Семина за рукав, – вы пришли обедать?

Глава 2

Марина Сергеевна и другие

– Эта справка, – майор поворачивается к суду, – была нами составлена, когда преступник еще не был задержан и изобличен. Она была первым документом в материалах, которые уголовный розыск впоследствии передал прокуратуре, и не предназначалась для публичного чтения.

В период с тысяча девятьсот пятьдесят девятого года по настоящее время в городе Москве неизвестным преступником совершено шесть краж, похищено денег на общую сумму в двадцать шесть тысяч рублей. Есть основания предполагать, что все преступления совершены одним и тем же человеком. Кражи объединяет – берут только деньги, и всегда крупные суммы, всегда берут, так сказать, чисто, без взлома и отжима замков. Ни в одном из случаев уголовному розыску не удалось напасть на след преступника или получить хотя бы приблизительные его приметы. Обнаружение и изобличение такого человека связано с большими трудностями и риском, так как есть основания предполагать, что в случае опасности разоблачения данный преступник может пойти на убийство.

Двенадцатого сентября в «Известиях», – продолжает читать майор, – была опубликована заметка о розыске Ин-

юрколлегией некоего Балясина Владимира Ивановича. Установлено, что в редакцию газеты звонил мужчина и интересовался адресом Балясина, объяснял, что приходится дальним родственником и хочет его поздравить с получением наследства. Считаем целесообразным ввести в окружение Балясина одного или двух сотрудников розыска, так как не исключена возможность, что разыскиваемый нами преступник попытается похитить полученные Балясиным деньги.

К вечеру погода испортилась окончательно, и отдыхающие собрались в холле. Красные кожаные кресла и низкие диванчики стояли вдоль стен; отдыхающие лениво рассаживались на них и разглядывали вновь прибывших. Делалось это так серьезно и обстоятельно, словно всем предстояло кругосветное путешествие, где жизнь каждого будет зависеть от мужества товарища.

Марина спускалась с лестницы и уже готова была ступить на черный квадрат холла, когда оценила ситуацию.

– Стоп, – сказала она, поставила ногу назад на ступеньку и повернулась к Семину, – опасно для жизни.

Валентин Петрович взял Марину под руку.

– Уже поздно, Марина Сергеевна, только вперед, – сказал он и повел ее по диагонали через холл.

Марина увидела двух особ, которым улыбалась днем в столовой, и сказала:

– Добрый вечер.

Не ожидая ответа, она перевела взгляд дальше.

Мужчина в вельветовом костюме встал и поклонился.

– Добрый вечер. – Марина изобразила улыбку, которую держала для поклонников.

– Добрый вечер! – повторил мужчина. – Очень рад познакомиться. Миронов. Сергей Иванович Миронов. – Он опять поклонился. – Актер. Точнее, киноактер.

– В каких фильмах вы снимались, Сергей Иванович? – спросил Семин.

– Видите ли, я актер характерный, – ответил Миронов, запинаясь, – не герой, в общем. С другой стороны, и не Филиппов, хотя по внешним данным говорят, что похож. – Он провел длинными пальцами по лицу. – В кинематографе работать довольно сложно.

Неожиданно в холле зазвучала музыка, белобрысый парень крутил микшер «Спидолы».

– Четвертая симфония Чайковского, – сказал Семин, прислушиваясь. – Ленинградский оркестр под управлением Мравинского. – Он повернулся к Марине: – Вы слышали в исполнении ленинградцев Седьмую симфонию Шостаковича?

Марина начала вспоминать.

«Спидола» взвизгнула, истоиво забормотала, затем низкий голос Клавдии Шульженко предложил:

– «Возьми гитару...»

– Громче, пожалуйста, – попросил кто-то.

Семин качнулся и снизу вверх заглянул Марине в лицо:
– Вы не обидитесь, если я приглашу вас танцевать?

Несколько минут танцевали одни, но, когда Шульженко отложила гитару и запела «Синий платочек...» – по холлу кружилось уже несколько пар. Марину грубо толкнули, она посторонилась, почувствовала запах перегара – он шел от кряжистого парня, который задиристо смотрел вокруг.

– Извинитесь перед дамой, – сказал Семин, загораживая парню дорогу.

Расстегнутый пиджак висел на широких плечах парня, узел галстука был сдвинут в сторону.

– Я тебя отлуплю.

– Естественно, но лучше извинитесь, – ответил Семин.

– Сначала отлуплю.

Парень наклонился вперед, тяжелые руки свободно повисли вдоль тела. Семин хотел схватить его за плечо, но быстро отдернул протянутую было руку, и кулак парня рубанул воздух.

– Смешно? – Семин продолжал загораживать ему дорогу.

– Сейчас я проучу... – Парень усмехнулся и оглядел зал.

Лицо его стало совсем трезвым.

Семин воспользовался тем, что он посмотрел в сторону, без замаха, почти неуловимым движением правой ударил его в живот и ловко завернул руку за спину. Отдышавшись, парень посмотрел не на Семина, а почему-то на Миронова, который, не поднимая головы, все еще возился с сигаретой.

Несколько мужчин, мешая друг другу, схватили парня за плечи, кто-то даже схватил за волосы, и выволокли его из холла.

– Извините, Марина Сергеевна, я сейчас вернусь! – Миронов нерешительно улыбнулся и пошел к лестнице.

Он быстро прошел по коридору, открыл дверь своего номера, надел пальто, открыл окно и выглянул на улицу. Потом вернулся к двери, запер ее, выключил свет, сел на подоконник, перекинул ноги на улицу, повис на руках и легко спрыгнул на талый снег. Он обогнул темное здание пансионата и вошел через служебный вход. В кухне уже никого не было, и он беспрепятственно прошел через нее, остановился у двери, из-под которой виден был свет, и прислушался.

– Хватит, отпустите его. Ну, выпил малость, с каждым бывает!

– Нет уж, товарищи, давайте доводить дело до конца!

В холле – а дверь, у которой стоял Миронов, вела в холл – решалась судьба задержанного. Голоса за дверью стали стихать, видно, ажиотаж прошел и мужчины возвращались на свои места. Послышались шаги, дверь скрипнула и отворилась. В ярком четырехугольнике света стоял недавний противник Семина.

– Виктор, – позвал Миронов и затянулся папироской так, что огонек осветил его лицо. – Подойди-ка.

Парень подошел, присмотрелся, молча достал пачку «Беломора» и закурил. Когда Миронов, предварительно сняв в

своей комнате пальто, вернулся в холл, танцы были в полном разгаре.

Мионов спустился с лестницы и, растерянно улыбаясь, стал боком протискиваться к Марине Сергеевне и Семину, которые беседовали около окна. Он хотел было подойти, но раздумал и остановился неподалеку: ждал, когда окликнут, и обдумывал, что его насторожило в недавнем инциденте.

Во-первых, конечно, появление Виктора, который мог при всех окликнуть. Но это не главное: сейчас, когда удалось перекинуться парой слов наедине, присутствие Виктора облегчало задачу. Старик Балясин, конечно, не сказал сыну о деньгах. А что главное? Что его, Мионова, насторожило? Что он тогда увидел, а сейчас забыл?

Он стал, покачиваясь в такт музыке, вспоминать.

Разговаривал с Семиным о кинематографе. Зазвучала музыка. Танцы. Марина Сергеевна хотела что-то спросить. Появился Виктор. Ссора. Семин встал... Да, Семин встал перед Виктором. Походка профессионального спортсмена... отвлекающий ложный выпад... Потом удар в солнечное сплетение и захват руки Виктора на перелом. Может, чудится?

– Сергей Иванович, куда же вы пропали?

Мионов увидел, что его зовет Марина, и поспешил к ней и Семину.

Балясин сидел на кровати и разглядывал пачку денег. Сто двадцать новеньких сторублевков. Можно было бы и накопить лет за десять. Это если не пить и не есть. Он поло-

жил деньги на одеяло, обхватил плечи руками и растерянно оглядел комнату. Витька вернулся... Где теперь прятать? От своего, не от чужого. Балясин поднялся, подошел к двери и опять оглядел комнату, потом двинулся по кругу, останавливаясь то у кровати, то у облезлого шифоньера, то у старинного комода. Пять шагов – и снова у двери, еще пять – потом еще. Он посмотрел на большой ящик с коричневыми кусками хозяйственного мыла, который завхоз притащил сюда год назад. Балясин быстро вынул несколько скользких кусков, завернул деньги в тряпку, сунул их в ящик и положил мыло на место. Затем снова хитро улыбнулся, подвинул ящик в угол и поставил на него ведро с мусором.

Балясин потер зябнувшие руки, отпер дверь и подошел к столу, чтобы взять кружку и сходить за чаем. При этом он ненароком взглянул в окно, между неплотно задернутых занавесок мелькнуло лицо. Он выронил кружку, бросился к двери и, навалившись на нее худым плечом, быстро повернул ключ и заставил себя снова посмотреть в окно. За мокрым стеклом опять что-то мелькнуло. Балясин судорожно отдернул занавеску. Нависая над окном, раскачивалась ветка ели... Он смотрел на нее долго и замороженно и тоже стал раскачиваться. По стеклу скользили капли талого снега, слезинка проскочила по морщине Балясина, повисла на усах, и он подхватил ее языком. Кузнец пробил девять раз. Балясин взглянул на часы и вытер ладонью лоб.

За окном раздались голоса, он задернул занавеску, оделся

и вышел на улицу.

– Добрый вечер, – услышал он и уступил дорогу высокой стройной женщине и хорошо одетому мужчине.

Он вспомнил, что фамилия этого мужчины Семин и работает тот в каком-то министерстве.

Он свернул за угол и столкнулся с высоким худым мужчиной в поношенном летнем пальто, который, как и Балясин, шел, втянув голову в плечи. Они молча разошлись. Балясин посмотрел на мужчину и попытался вспомнить его фамилию, но не смог и заспешил к своему окну.

Мокрый снег под окном был затоптан, окно светилось: забыл выключить свет! Балясин схватился негнуздимися пальцами за раму и, тяжело поднявшись, заглянул в окно. Сколько он ни вглядывался, та часть комнаты, где стоял ящик с мылом, видна не была.

Глава 3

Кража

– Следствием установлено, что подсудимый совершил два преступления. – Прокурор делает небольшую паузу. – Я разрешу себе остановиться на них отдельно и разбирать в хронологическом порядке, то есть начну с кражи денег. Из материалов дела видно, что подсудимый готовился долго и тщательно. Умение собственноручно сделать слепок и по нему изготовить ключ свидетельствует о наличии у подсудимого значительного опыта. Хотя следствию и не удалось доказать, что данная кража была не первой, но наличие у него опыта в совершении подобных краж, на мой взгляд, бесспорно. Во всех действиях подсудимого чувствуется изощренный ум и профессионализм. К чему я говорю об этом? Попробую объяснить. Заранее обдуманное намерение, опыт, хладнокровие, профессионализм в исполнении доказывают огромную общественную опасность данного человека. – Прокурор смотрит на председателя и, когда они встречаются взглядами, говорит: – Общественную опасность подсудимого я считаю доказанной полностью.

Утром, когда Марина вошла в столовую, за столом рядом с Семиным сидел актер. Она села рядом с Семиным, кото-

рый задумчиво ковырял вилкой в салатнице и едва ли слушал разглагольствования соседа.

– Понимаете, милейшая Марина Сергеевна, – актер решил включить Марину в беседу, – мы с почтеннейшим Валентином Петровичем говорили о сложности актерского перевоплощения. Как утверждают социальные психологи, каждый человек повседневно исполняет навязанные ему обществом роли. – Миронов сцепил в замок длинные пальцы и прижал их к груди.

– Не понимаю, – сказала Марина и пододвинула к себе простоквашу. – Я никаких ролей не исполняю.

Миронов взмахнул руками и деланно рассмеялся.

– Так только кажется, Марина Сергеевна. Играете, каждую минуту играете. Сейчас, например, играете роль, – он на секунду задумался, и Марине показалось, что он сдержал улыбку, – светской беззаботной женщины. А на самом деле у вас масса забот. Когда вы остаетесь одна, вы думаете...

– О чем думаете вы, Сергей Иванович? – перебил Миронова Семин.

Марина благодарно посмотрела на Семину. Миронов прикрыл пальцами тонкий рот, и Марина обратила внимание, что глаза у актера желтые, словно две большие веснушки, под стать тем, что покрывали все лицо и руки, а светлые волосы сильно пробиты сединой.

– Откровенность есть своеобразный стриптиз, – сказал он, – а при моем сложении не рекомендуется раздеваться.

Мимо гордо прошествовали две особы неопределенного возраста.

– С добрым утром. – Марина посмотрела им вслед и увидела ширококостного мужчину, который шел под руку с официанткой.

– Сестренка, – сказал он и остановился, – я буду сидеть за этим столом. – Он отодвинул стул у соседнего стола. Сделал легкий взмах рукой, и на его ладони оказалась конфета. Он осторожно опустил ее в нагрудный карман девушки. – Холодное боржоми – моя слабость.

Официантка хихикнула и убежала, а мужчина посмотрел на Марину, как на старую знакомую, и сказал:

– С добрым утром. – Он перегнулся и вынул из-под ее салфетки бумажную розу. – Простите, что не настоящая: нелетная погода, и самолеты с юга задерживаются.

Семина платком вытер углы рта и как бы про себя пробормотал:

– Не пансионат, а паноптикум. Актеры, клоуны... Бред, но интересно.

– Разрешите представиться: Михаил Алексеевич Зотов. – Мужчина, приподнявшись, поклонился.

– Совсем забыл. – Семина встал. – Мне срочно надо позвонить в Москву. Ради бога, извините. – Он хотел сказать что-то еще, но посмотрел в сторону и вздохнул.

Марина проследила за его взглядом и увидела парня, который вчера устроил скандал. Парень подошел и, глядя на

вазочку с салфетками, на торчащую из нее розу, старательно, как заученный урок, проговорил:

– Извините меня, пожалуйста, я вчера выпил лишнего. – Он переступил с ноги на ногу, упрямо мотнул головой и посмотрел на Семина. – А тебя я как-нибудь...

– Топай, счастливое дитя. Топай, – улыбаясь, миролюбиво ответил Семин, посмотрел на Миронова, который, не обращая ни на кого внимания, с удовольствием доедал завтрак. – Простите, я бегу звонить.

– Ради бога, – сказала Марина.

Она отхлебнула из стакана остывший чай и посмотрела на актера, который сидел откинувшись и безразличными глазами оглядывал столовую.

– Что-то мы с вами приуныли, Сергей Иванович. – Марина вынула из вазочки бумажную розу и, как живую, поднесла ее к лицу.

Миронов недоумевающе посмотрел на Марину и долго думал над ее словами, его длинное лицо задвигалось и ожило.

– Приуныли? Да, да! Зритель ушел, – он показал рукой на стул Семина, – играть не перед кем. Вот так-с.

– У вас навязчивая идея.

– Я не так глуп, как вы... – Миронов сделал паузу, – думаете.

При выходе из столовой они столкнулись с женщиной в темных очках и с палочкой, которого вела под руку офици-

антка.

– Благодарю, – говорил слепой, – я с одного раза запоминаю дорогу и больше вас не побеспокою.

Марина проводила взглядом прямую, напряженную фигуру с запрокинутой вверх седой головой и сказала:

– А мы еще на что-то жалуемся.

– Жалуемся, – повторил актер, глядя себе под ноги. – Марина Сергеевна, вы можете отличить свои туфли от других того же размера и фасона?

– Когда произошел очередной заезд отдыхающих?

Балясин смотрел на сверкающие сапоги лейтенанта милиции и молчал. Он никак не мог понять, почему в такую непогоду сапоги у милиционера абсолютно чистые. Сапоги расхаживали по крашеным половицам балясинской комнаты, и сапоги, и половицы скрипели.

– Гражданин Балясин, – сапоги остановились и повернулись к Балясину тупыми блестящими носами, – вы поняли мой вопрос?

– Три дня, как приехали. А я приехал позавчера, – ответил за отца сидевший в углу Виктор. – Я освободился досрочно, сидел за кражу.

– Мне это известно, Виктор Владимирович. Но вы же не могли украсть деньги у родного отца.

Виктор посмотрел на морщинистое лицо отца с обвислыми усами.

– Такие деньги, – он мотнул головой. – Небось в деревню хотел отослать?

– Что теперь... – Балясин пожевал губами и добавил: – Долю братову хотел. Ему моя мать сродни была.

Виктор кивнул на отца, постучал пальцами по виску и отвернулся. Лейтенант подвинул ногой табуретку и сел.

Следователь уже написал протокол осмотра, опросил обоих Балясиных и ушел, а он, участковый, остался. На теоретических занятиях осмотр места преступления и допрос потерпевших и свидетелей выглядели несколько проще. Во-первых, всегда были какие-то улики, что-то вещественное: любой преступник оставляет следы. А этот не оставил! Замок не поврежден, все вещи на своих местах, ничто не говорит, что в комнате побывал посторонний. Следователь, человек профессиональный и дотошный, безучастно оглядел комнату и сказал:

– Деньги лежали в ящике с мылом. – А на удивленный возглас хозяина ответил: – Ящик передвинули недавно, след остался. Ведро с мусором всегда стояло вот здесь, – он показал на круглое пятно на полу, – вы его поставили на ящик. Преступник опытный и увидел все это так же, как я.

Следователь вел себя странно, опрашивал старика поверхностно, а на молодого Балясина вообще не обратил внимания.

– Зайдете завтра в отделение, – сказал он на прощание.

Лейтенанту хотелось загладить небрежность товарища.

Он посмотрел на отца, на сына, на дверь и спросил:

– Сколько ключей имеете? Все на месте?

Балясин молчал, а Виктор хмуро посмотрел на лейтенанта и нехотя ответил:

– Батин ключ на столе лежит, – он встал, подошел к самодельной вешалке и опустил руку в карман пальто, – а мой вот. – Виктор показал два ключа.

– Почему два? – спросил лейтенант.

– На всякий случай, – ответил Виктор.

Марина медленно шла по скользкой аллее, огибающей пансионат, и думала о Валентине Петровиче, с которым недавно рассталась в холле. Последние два дня наедине с ней он был задумчив и рассеян, на людях же превращался в блестящего кавалера. Но легкость, остроумие и галантность Семина выглядели словно одежда, которую он привычно носил, стараясь, чтобы никто не заглянул под нее.

Марина нагнулась и выдернула из мокрого снега желтовато-черный дубовый лист. У черешка лист еще был живой, и Марина надкусила горьковатый стебель.

– Добрый день, Марина Сергеевна, – услышала она низкий уверенный голос, повернулась и увидела соседа по столовой, подарившего ей вчера бумажную розу.

– Добрый день, – ответила Марина и замаялась, стараясь вспомнить его имя.

– Михаил Алексеевич, – подсказал мужчина и улыбнулся.

ся. – Если женщина не помнит имени, то дела мои плохи. Что вы делаете? – Он вырвал у нее лист. – Такая грязь. Инфекция.

– Давайте помолчим, – сказала Марина.

Зотов кивнул, и они пошли к выходу из парка.

Марина старалась, не глядя на спутника, вспомнить его внешность. Лет около сорока, средний рост, широкие вислые плечи, лицо с мощными скулами и с сильно развитыми надбровными дугами. Сейчас он в серой шляпе...

– Я шатен и причесываюсь на пробор, – подсказал Зотов.

– Я думала, вы только фокусник. А вы еще и волшебник!

– Фокусы – мое хобби, – ответил Зотов, вынул изо рта папиросу, сжал ее в кулаке и показал пустую ладонь, – а по профессии я врач-психиатр. Только, ради бога, – он взял Марину под руку и повел дальше, – не говорите об этом в пансионате.

– Почему?

– Меня замучают вопросами и просьбами о консультации.

– Михаил Алексеевич, как вы отгадали, о чем я думаю?

– Когда мужчина и женщина впервые идут вместе, то в девяносто девяти случаях из ста они думают друг о друге. Вы покосились в мою сторону и поправили прическу. – Зотов обнял Марину за талию, легко перенес через канавку, и они вышли к шоссе.

– Странное дело, Михаил Алексеевич, в нашем пансионате все мужчины сильные и... значительные.

– Мода сейчас такая на мужчин, вот мы и стараемся.

– В пансионате отдыхает киноактер, высокий, худой, физиономия длинная и в веснушках. – Марина попыталась изобразить Миронова. – Знаете? Так он тоже утверждает, что мы все какие-то роли исполняем.

Зотов подтолкнул Марину к обочине и загородил собой от быстро идущей машины. Милицейская «Волга», разбрызгивая грязь, проскочила мимо и, грозно гукнув, скрылась за поворотом.

– Милиция? У нас что-нибудь случилось? – Марина поехала. – Не люблю милицию.

Зотов долго шел молча, потом спохватился и переспросил:

– Что вы сказали? Ах да, милиция. Ее любить и не следует. Ее уважать и слушаться надо.

Прощаясь в холле, Зотов удивил Марину неожиданным вопросом:

– Вы вчера поздно легли спать?

– А почему это вас интересует?

– В одиннадцать я вышел прогуляться, и мне показалось, что вы с Валентином Петровичем прошли по парку.

– Вам показалось, в одиннадцать я была у себя в комнате, – обиделась Марина. – Валентина Петровича у меня не было.

– Где не было Валентина Петровича? – спросил, подходя, Семин.

Видимо, он собрался на улицу, так как был в теплой куртке и в перчатках. Марина почувствовала легкий запах дорогого одеколона и решила, что обязательно спросит, сколько раз в день он бреется. Каждый раз при встрече с Семиным Марина была уверена, что он побрился пять минут назад. Мужчины закурили и заговорили о погоде.

Чем-то они были похожи. Одного роста, обоим около сорока, оба сильные и решительные. Зотов несколько мягче и медлительнее, все, что он делает, даже фокусы, кажется солидным и обдуманым. Семин выглядит острее и современнее, и, несмотря на обветренное лицо с резкими, рублеными чертами, в нем чувствуется интеллигент. Зотов одет дорого, добротно: драповое пальто, сшитое, безусловно, у хорошего портного, серая шляпа, белая рубашка, строгий галстук. На Семине легкая нейлоновая куртка, из-под которой виден мягкий свитер, на ногах грубые ботинки, волосы вроде бы не причесаны, но Марина знает, как трудно держать волосы в обдуманном беспорядке.

На противоположной стороне у окна актер разговаривал с Виктором, который стоял, засунув руки в карманы брюк, и, набычившись, смотрел на Миронова, который что-то быстро говорил и то и дело поглядывал на Марину и ее спутников. Актер поймал взгляд Марины, заулыбался и помахал рукой, похлопал Виктора по плечу и пошел, пританцовывая и смешно размахивая длинными руками, к выходу. У дверей он задержался, как бы что-то обдумывая, повернулся и спросил:

– Слышали новость?

– Смешная? – спросил Семин.

– Не очень. – Актер сложил кончики пальцев в щепотку. –

У администратора пансионата сперли тридцать тысяч.

– Не тридцать, а двенадцать, – сказал Семин. – Я уже слышал об этом. Милиция приезжала. Бред, но интересно.

– Возможно, и двенадцать, – послушно закивал Миронов и, оправдываясь, добавил: – Скорее всего двенадцать, тридцать уж больно много.

– Двенадцать тысяч точно, администратор получил наследство, – сказал Семин.

– Ну и дурак, надо было держать в сберкассе. Верно? – Актер тронул Зотова за рукав.

– Не знаю, – ответил тот и отстранился. – Я иду играть в шахматы. Говорят, что слепой профессор – прекрасный шахматист.

– Слепой – и шахматы? – удивился актер. Посмотрел на Марину и, как бы оправдываясь, сказал: – Деньги, может, найдут?

– Наша милиция найдет. Смешно... – Семин махнул рукой и пошел к выходу.

Глава 4

Преступник

– Советский суд ставит перед собой широкую задачу: наказание и исправление не только виновного, но и воспитание других людей, в той или иной мере сопричастных с судопроизводством и судебным разбирательством.

Прокурор смотрит на председателя и продолжает:

– В последнее время в нашей практике наблюдается, на мой взгляд, неправильная и даже опасная тенденция. Обнаружив преступление, мы начинаем искать причины правонарушения не столько в самом субъекте, сколько в его окружении. Родители, школа, комсомол, коллектив сотрудников, на мой взгляд, превратились в соучастников преступления.

Дежурной фразы: «а где были...», «на что смотрели...», «почему не остановили...», как правило, оказывается достаточно, чтобы зачастую абсолютно порядочные люди опустили головы и безропотно подставили эти головы под руку закона либо общественного мнения... Прошу понять меня правильно: я, как каждый советский человек, за коллектив, за коллективную заботу и ответственность за любого из его членов. У нас очень любят повторять: «Каждое сомнение толкуется в пользу подсудимого». Прекрасный принцип! Только почему о нем, так же как о презумпции

невинности, вспоминают только в связи с личностью и никогда в связи с коллективом? Окружение преступника виновато всегда безоговорочно, и вина его не требует доказательств. Такое положение является грубейшим нарушением социалистической законности, лазейкой для людей нечестоплотных и ведет к самым пагубным последствиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.